Но Нейм

Наблюдатель

Искры Света, Тьмы и Хаоса

Но Нейм

Наблюдатель. Искры света, тьмы и хаоса

«Автор»
2026

Нейм Н.

Наблюдатель. Искры света, тьмы и хаоса / Н. Нейм — «Автор», 2026

Бессмертный воин, носитель Искры Света встал на пути безжалостного Ордена Хашишинов.А тот, кто сделал это - уже начал отсчет своих последних дней...Но за его спиной в выжженной солнцем пустыне - древний город, над которым простерлась тень смерти. И те, кого он должен защитить.И есть кто-то еще...Кто незримо следует за Наместником Дамаска и ледяной рукой сжимает во сне его сердце.В бескрайней пустыне сошлись три древних Силы.Будет много страха, много зла.Отвага и искренняя любовь. Но лишь тень надежды.Кто одержит победу?

© Нейм Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Дисклеймер 5
Глава 1 Тень угрозы 6
Глава 2 Неизвестный враг 8
Глава 3 Случайности неслучайны 10
Глава 4 Не сдавайся 13
Глава 5 Человек из тени 15
Глава 6 Хорошие люди есть везде 16
Глава 7 Сделай правильный выбор 21
Глава 8 Благословение Аллаха 23
Глава 9 Тридцать серебренн 25
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Но Нейм
Наблюдатель. Искры света, тьмы и хаоса

...лежа в холодном песке, ждет Наблюдатель. Он знает, что прав.
Пурушоттама

Дисклеймер

Дисклеймер 1
Эта книга описывает иной мир. Очень похожий на наш. Но иной.
С другими традициями, нормами и устоями.

Дисклеймер 2
Мнения и оценки, высказанные персонажами, являются их личными мнениями и оценками. И могут не совпадать с мнением автора.

Глава 1 Тень угрозы

1155 год от Р.Х.
Аравийская пустыня. Примерно 100 км от Дамаска.

Лагерь на пустынном плато готовился к ночи. И широкий круг костров ярко пылал, роняя искры на остывающий песок.

До лагеря две сотни шагов. Даже не переходя на ночной режим зрения, Наблюдатель хорошо видел шатры, закрытый павильон и охрану у его входа.

Еще час назад песок был раскаленным. И жар проникал сквозь одежду, иссушая тело и затуманивая сознание.

Солнце скрылось за горизонтом и пустыня показала свою ночную сторону.

Кто не был в подобных местах, думает, что здесь выживание определяет только вода и защита от палящего солнца. Опасное заблуждение. Через час после заката пришла прохлада.

Наблюдатель бывал в иных пустынях, далеко на Востоке, где еще через час она сменилась бы ледяным холодом. Который быстро входит в тело и только движение, огонь или несколько слоев теплой одежды смогут послужить защитой. И то без гарантий.

За прошедшие там годы он повидал всякое. И находил у погасших кострищ замерзшие тела тех, кому не хватило удачи или предусмотрительности собрать достаточно пропитания для огня. И хватило беспечности при этом заснуть. Ночь в пустыне может быть очень долгой. И последней.

Здесь пустыня ночью была почти ... нежна. Хотя холод тоже ощущался, но смертельной опасности в себе не таил.

Наблюдатель лежал без движения.

Задача предельно ясная: Ждать. Наблюдать. Не вмешиваться.

"И медленно замерзать", добавил он от себя.

"В крайнем случае - могу спуститься в лагерь и погреться у костра. Правда, сначала придется перебить всех его обитателей", подумал он.

Что запрещено. И бессмысленно... Тень ироничной улыбки тронула его губы.

Над большим костром подвесили котел и у него деловито колдовал крупный ассасин. С такого расстояния запах не долетал до Наблюдателя, но воображение услужливо дополняло картину ароматом мясной похлебки, пряностей и острых приправ. Даже густое, сочное бурчание в котле казалось было различимо где-то на границе слышимости.

"Какое тонкое восприятие", улыбнулся он про себя.

Не удивительно. Когда он последний раз ел? Вчера утром? Если это можно было назвать едой. А когда последний раз *действительно* ел? Почти неделю назад. Когда уходил из Масьяфа за отрядом ассасинов в пустыню.

И как раз ту самую ароматную похлебку араш-ака, которая сейчас, вероятно, готовилась в котле.

"Порождения Света, Порождения Тьмы...", подумал он. "А едим с удовольствием одно и то же. Так ли много в нас различий?..

"Ну так тела одной морфогенетической линии", ответил он себе. "А вот души..."

Его взгляд медленно, сектор за сектором сканировал лагерь. Посты охранения. Патрульная группа дозора, которая, как он уже знал, трижды за ночь делает обход по большому кольцу вокруг лагеря. Три двойки, каждая выдвигается на несколько сотен шагов, обходит свою зону

контроля и возвращается уже с другой стороны. Тихие ребята, как тени... В первую ночь он чуть не попал прямо к ним на ножи. Скоро будут выдвигаться, пора отходить.

Но он ждал. У шатра амира выставили усиление охраны. Что-то должно было произойти.

Из шатра вышел высокий, широкоплечий юзбаши, отдал короткую команду. Через несколько секунд перед ним замерли пять черных теней. Еще одна команда и вся шестерка быстро выдвинулась на южную сторону лагеря.

Двое остались на границе периметра. Четверо вскочили на коней и растворились в темноте.

Что-то должно произойти.

Время медленно проходило сквозь ночь... Наблюдатель чувствовал, как оно проходит и сквозь него. Неслышными секундами превращая будущее в прошлое. Бесконечный поток...

Хотя на Востоке верят, что это медленное вращение колеса Сансары, тоже часть иллюзии и даже времени не существует. Или оно течет только в нашем сознании? Он не очень хорошо разбирался с этих концепциях. Или забыл то, что знал когда-то? Сейчас это было не важно. Он был *здесь, сейчас*. А мироустройство... пусть мироустраивается, как ему больше нравится.

Время шло, невзирая ни на какие философские концепции, медленно, но неуклонно погружая пустыню в ночь.

Наконец во тьме проступили силуэты. Семеро.

Так вот, что это значит! Гости. Прибыли трое. С юга. С гор?

Далековато... Хотя, кто знает.

Четверо воинов держались широким полукольцом вокруг тройки прибывших.

Двое, остававшихся на периметре присоединились к группе, замкнув кольцо. Охраняют? Прибывших? Или от них?..

Похоже, и то, и другое.

Оружие в ножнах, но держатся на дистанции. Собраны, даже напряжены... Опасные гости прибыли! И уважаемые - старший отряда спешился и обозначил короткий поклон перед лидером тройки.

Идут к главному шатру. Перед входом остановились. Ждут. Еще один короткий поклон в сторону новоприбывшего, приглашающий жест. Входят только юзбаши и гость. Его спутники остались ждать снаружи вместе с пятеркой охраны.

Наблюдатель ждал вместе с ними...

Глава 2 Неизвестный враг

За две недели до этого

Дамаск, Дворец наместника

Двумя неделями ранее Наблюдатель был призван Наджм ад-Дином Айюбом ибн Шади, Амиром, наместником Дамаска.

Роскошный дворец. Темные покои. Тихий разговор.

У наместника сильный, жесткий голос, но сейчас он его приглушает. У стен есть, да..., уши, глаза. И даже кинжал, чтобы воткнуть в спину.

Наблюдатель тогда немного удивился. Все-таки Айюб у себя во дворце, в своих покоях. Кругом три кольца цепных псов из личной охраны. И приглушает голос... О чем же он заговорит?..

Наместник смотрит в пустоту. Его суровое, волевое лицо наполнено мрачной тревогой. Высокие скулы сжаты, крылья крупного носа расширяются с каждым вдохом. Брови сдвинуты, морщины трещиной прорезают лоб. Он медленно произносит:

"Джабраил-ага, у хашишинов что-то произошло".

Пауза...

"Они всегда были очень закрыты, но сейчас... Как будто их город вообще исчез за каменной стеной. Никто не выходит. Никто не входит."

Снова пауза...

"Два... моих человека у них молчат уже почти месяц. Их не видят на дорогах, к ним в крепость не приходят даже караваны. Хотя должны же они пополнять припасы".

"Я знаю, о Великий, но что тревожит в этом *тебя*?", также тихо спрашивает Наблюдатель

Амир переводит взгляд на Наблюдателя.

Тяжелый взгляд. Он смотрит не в глаза. Прямо в сердце.

Наблюдатель спокоен. Его разум и сердце чисты. Амир даже не представляет *насколько,*но как-то чувствует это.

Решается.

"Они обрели новую Силу. Не знаю, что это. Новое оружие? Или сильный союзник? Очень сильный.

Они вышли из переговоров четыре недели назад. Просто развернулись и уехали. Их Джелаль-ад-дин не сказал ни слова. Принял гонца. Тот сказал одну фразу на их внутреннем языке. И он просто встал из-за стола, подал знак своим и вышел. Без слов."

Амир замолчал.

"Но не это тебя *тревожит,* о Великий".

"Да".

Еще один пронизывающий взгляд. Пауза.

И очень медленно, как будто заново проходя каждый миг той встречи:

"Он не сказал ни слова, Джабраил-ага. Но... я поймал его взгляд.

И... Это был взгляд воина, который только что пронзил тебе мечом. Но первый краткий миг ты еще этого не осознаешь. А он, с торжеством победителя, просто смотрит на тебя. И ждет. Когда твое бездыханное тело упадет к его ногам."

Амир помолчал.

"Я еще жив. Но... его взгляд сказал мне, что я уже мертв. Сто лет уже их проклятому ордену и сто лет нет покоя ни одному владыке по всему Востоку! Похоже, теперь пришла и моя пора...

Я не знаю, сколько у меня времени и что должно произойти. Но... каждый день может оказаться последним.

Поэтому, как только я узнал, что ты прибыл в город спустя столько лет, я призвал тебя. Найди ответ.

Но, не прояви себя. Не вмешивайся. Они должны думать, что я ничего не знаю. Иначе поменяют все планы и ударят с другой стороны.

Найди ответ. Что это за оружие? Или союзник? Или?.. Как и когда они нанесут удар?"

Во взгляде Амира появилось напряжение.

"Я не знаю, как ты это делаешь, но ты единственный, кто способен на это и..."

Взгляд чуть смягчился, непривычные слова даются с трудом.

"... и единственный кому я могу доверять. Хоть и не доверяю никому."

Во взгляде Амира опять появился вызов.

Наблюдатель внимательно посмотрел не него.

И свет в его глазах заставил Айюба ибн Шади, Амира и наместника Дамаска, великого воина и полководца через несколько секунд отвести взгляд. Волна гнева прокатилась по лицу властителя. Но он быстро овладел собой. Как и каждый раз, когда он пытался своей волей подавить Наблюдателя. И уступал. Сам не мог понять почему. Но гнев тоже быстро уходил. И этого он не мог понять еще больше.

Наблюдатель закрыл на секунду глаза. А когда открыл их - это был уже обычный взгляд. Он медленно кивнул. "Я найду ответ".

Прошло четырнадцать дней. И вот ответ близко. Где-то рядом, он чувствовал это...

Глава 3 Случайности неслучайны

Тем же вечером

Дамаск, Чайхона Большого Абдуллы

Было уже поздно и ночь готовилась укрыть город черным покрывалом...

Наблюдатель сидел расслабившись в самом дальнем углу. Столик в нише полумрака.

Он пока не нашел подхода к задаче Амира.

Хашишины... Как разгадать загадку поведения их лидера? Проникнуть в их замыслы?.. Если они сами по себе - уже загадка. Воины. Фанатики. Государство в государстве. Закрытая секта.

Ислам - суровая вера. Исмаилиты еще более строги. Они последователи тех, кто четыреста лет назад не признали решение Джафара ас-Садика лишить наследственного титула Имама своего сына Исмаила. А Низариты... самые воинственные из исмаилитов. Последователи Низара, еще одного Имама, лишенного отцом этого звания в пользу младшего брата в середине прошлого века. История повторяется...

И более пятидесяти лет назад они обрели выдающегося вождя - Хасана ас-Саббаха. Хитростью и подкупом захватили власть в далеком Аламуте. И основали свое государство... Которое внушало ужас и страх всем владыкам не только Востока, но и Европы.

Лучшие воины. Мастера искусства скрытого проникновения. Наемные убийцы. Не боящиеся ни боли, ни самой смерти. Фанатично преданные своему вождю...

И Амир на свою беду начал давление на них после ограбления ими проходящего каравана из Дамаска... Сложные переговоры. Джелаль ад-Дин даже почти согласился вернуть часть награбленного в обмен на соглашение не начинать войну. Но мир был столь зыбким. И вот в разгар переговоров он... Как сказал Айюб? "Просто встал и вышел".

Наблюдатель понимал тревогу Наместника. Но что делать?..

Ясно, что ответ нужно искать в Масьяфе - крепости хашишинов в четырех днях пути от Дамаска. У Амира там есть контакт. Но сейчас он изолирован. Как туда войти не проявив себя? Вопрос...

Как почти всегда, когда решение не приходило в течение одной-двух минут, Наблюдатель остановил поиск. Нет смысла *заставлять* ответ проявиться. Пусть круги на воде успокоятся. Ответ придет.

Мысли выключились. Он закрыл глаза. Шли тихие минуты...

Зал почти опустел. Только возле стойки молодая прислужница спорит о чем-то с Абдуллой. Внезапно голоса становятся громче.

Наблюдатель приоткрыл глаза.

"Ты должен извиниться!", почти кричит девушка. И волна ее гнева наносит первый удар.

Хозяин хмурит брови и напускает суровый вид. Но видно, что он смущен.

"Я не собираюсь извиняться! Мы еще не выяснили, что случилось!"

"Ах мы *еще* не выяснили!?! Но ты *уже* обвинил меня в воровстве! И мне *уже* чуть не отрубили руку или что еще похуже!"

"Но...", Абдулла не успевает договорить, а следующая волна гнева девушки уже окатывает его с головы до ног.

"И ты *обыскал* меня! Лично! И твои руки все время пытались пробраться куда дальше, чем позволяют приличия!"

"Но я..."

"И ты *кричал* на меня! При всех!"

"Я..." видно, что еще одна волна и Абдулла будет сбит с ног и унесен в безбрежный океан праведного гнева юной красавицы.

"И даже сами купцы сказали, что, наверное, кошелек утащил тот северянин, что сидел за соседним столиком. И как раз ушел незадолго до того, как обнаружили пропажу."

Все! Абдулла сдался.

"Ну... *извини*!

Наверное, так и было... Прости, правда, Фата... Ты новенькая у нас и..."

Дальше голоса стали тише и Наблюдатель не стал прислушиваться. И так было понятно, каков дальнейший ход разговора.

С легкой улыбкой Наблюдатель, прикрыв глаза, представлял себе, как большой и грузный хозяин сейчас, пытаясь сохранить мужское достоинство, отступает под натиском "невинной" новой прислужницы.

"Сильная девушка!", подумал Наблюдатель.

Абдулла, вообще-то, суров и всякого повидал. Но она съела его в три минуты!

Через некоторое время Фата подошла к его столику, спросить, не желает ли господин что-нибудь еще.

"Пока нет, спасибо!"

Она уже собралась отойти.

"Хотя... принеси мне тот кошелек, что ты ... обронила за скамейкой в углу".

Теперь настала очередь девушки быть сбитой с ног. На этот раз волной страха и (Наблюдатель даже несколько удивился) стыда.

"Я не..."

Он молча посмотрел ей в глаза.

"Я... Но как вы..."

"Просто принеси. Хозяин как раз ушел на кухню."

Через минуту девушка дрожа положила на скамейку рядом с ним расшитый затейливой вязью бархатный кошель, который тихо звякнул.

В ее глазах был страх и ... вызов!

Поняла, что попалась. Приняла это. Но не сдалась!

"Что я должна ... сделать для вас, господин?"

Хм... прямой взгляд, прямой вопрос.

Она хороша собой. И они оба знают, что с ней будет, если воровство откроется. Ему достаточно позвать Абдуллу и...

Она смотрит ему в глаза и чуть дрожит.

"Что я могу сделать для вас, господин?"

Он размышлял, глядя на нее.

"А ведь в ней есть Искра." сказал он себе.

Он почувствовал это еще несколько недель назад, когда впервые увидел ее. Нераскрытая и неокрашенная, потому очень слабая, но есть.

И именно сегодня вечером, когда он искал ключ к опасной загадке хашишинов, она оказалась рядом.

"Случайности неслучайны."

Мысли быстро развивались: "Воровка?"

Он не чувствовал в ней порочности. И глаза не бегают. В них не было укоренившегося греха, скорее печаль... Тогда почему пыталась украсть?...

Сильный характер. И видно, что умна. Он принял решение.

"Я скажу тебе, что и когда ты должна будешь сделать. Когда придет время, тебе сообщат, придешь ко мне. А пока - ступай."

Девушка немного расслабилась и вздохнула.

Он чуть улыбнулся: "И... больше не ... роняй кошельки"
Она вспыхнула, резко повернулась и почти убежала.

Глава 4 Не сдавайся

Чуть позже

Дом Тунчана - горшечника

Ночью Фата не могла уснуть. Сердце билось как сумасшедшее.

Она пропала! *Все*пропало!

И этот... Негодяй! Все видел. И вместо того, чтобы отвернуться и промолчать... зацепил ее на крючок. Она буквально чувствовала, как этот огромный крюк пронзает ее тело, входит под ребра и медленно и жестоко вздергивает ее вверх. Беспомощную и полную отчаяния.

А ведь деньги были уже в ее руках. Она смогла бы заплатить лекарю, чтобы тот дал ее матери лекарство еще на две недели. И тогда был шанс, что лихорадка пройдет и та снова встанет на ноги. Она и так в прошлый раз отдала все, что было, даже на еду не осталось. Лекарь был очень хороший, служит у Амира, ей стоило больших трудов добиться встречи с ним и убедить посмотреть мать и приготовить лекарство. То, что давали простые знахари, те, кто лечит бедных, ничем не помогало. А этот, похоже, и правда был сведущ в медицине. Или магии? Не важно. Уже через три-четыре дня мать начала поправляться. Но, лекарь сразу предупредил, что этого не хватит для полного исцеления. Болезнь зашла слишком далеко. Нужен по крайней мере месяц лечения.

А сейчас... Денег нет. Лекарства нет. Мать опять горит и только тихо шепчет что-то в полубессознательной тяжелой дреме.

Хорошо хоть младшие братья спят тихо. Хорошо...

Но... нет! Ничего *хорошего*уже не будет.

Теперь ко всем прочим бедам добавился еще и этот капкан. Отчаяние поднималось в сердце, затапливало его. Как дальше жить?

Завтра или через несколько дней этот мерзавец вызовет ее. Она прекрасно понимала для чего. Чего мужчины хотят от женщин? Как правило очень простых и незамысловатых вещей. Хотя иногда как раз замысловатых... Шайтан их к этому подталкивает или просто природа? Фата все понимала, но легче от этого не становилось.

Она представила, как ее приводят в его покои. Как он смотрит на нее своим гипнотизирующим взглядом.

И... он даже не будет говорить. Просто сделает жест и ... Она представила, как медленно снимает одежду, как дрожит, как обнажается ее тело...

А он смотрит на нее и его взгляд проходит по ее плечам, шее, опускается на грудь...

Она вздрогнула. Неожиданно почувствовав вместо жгучей ненависти желание!

Шайтан его побери! Вот как такое возможно?

Да, он хорош собой и даже ... нравился ей. Сильный, отстраненный, но как казалось *светлый*. Или просто доброжелательный?

И может быть даже веселый. Он не шутил и не разговаривал с ней, но глаза его иногда лучились светом, а на губах играла легкая, чуть грустная улыбка, как будто он думал о чем-то хорошем. С иронией, но все же о хорошем. И оставлял щедрые чаевые те три или четыре раза, когда она обслуживала его. За которые со всем простодушием бедности она была ему признательна. Он нравился ей...

Но теперь - нет! Он решил воспользоваться ситуацией! Вот ведь... А казался особенным... Как же! Все мужчины одинаковы.

Она заплакала тихо и безнадежно.

В юности часто все представляется в преувеличенном свете. И радости, и печали... И до трагического шага под влиянием пусть и серьезных, но все же приходящих и уходящих тревог

так близко. А надо-то всего только просто подождать, пройдет несколько часов или дней и все смягчится или даже исправится.

Но юность не хочет ждать. И толкает так глупо и легко совершить этот непоправимый шаг. Горе, если некому поддержать. Остановить.

Фата понеслась в пропасть...

Он просто использует ее. Опорочит. Обесчестит. И позор на всю семью. Мать и так на грани жизни и смерти, а узнает - не перенесет... Братья будут ее стыдиться.

Как после такого жить? И зачем?

Нет. Нет!!! Лучше умереть!

И не будет больше забот и тревог... Она так устала от всего.

Но холодный голос в ее голове тихо и жестко произнес.

"Не *лучше!*Ты *не можешь*умереть.

Даже для избавления от позора.

Ты не одна. Помнишь?

Не пройдет и недели после твоего "лучше умереть", как умрет в мучениях твоя мать, за которой некому будет ухаживать.

А еще через неделю-другую умрут от голода младшие братья. Или пойдут побираться.

И тогда смерть найдет их чуть позже, но эти недели или месяцы будут просто адом..."

"Нет", сказал голос.

"Ты *должна*жить. Во чтобы то ни стало. Потому, что пока ты жива - есть надежда! Ты можешь что-то сделать. Что-то изменить.

Не сдавайся!"

Она продолжала плакать... но внутри что-то переменилось. Совсем чуть-чуть. Но все же.

Голос был прав. Он приходил к ней редко. Но всегда поддерживал. И давал силы. Голос ее отца. Он был суров и прост. И силен. И учил ее этому. Пока был рядом...

"Что-то можно сделать? Что? Знать бы..."

Она лежала в тишине глядя в пустоту. Слушая ветер, который шумел листвой в кронах деревьев, слушая ночь...

Пусть будет завтра, решила она. Буду жить. Может быть еще что-то смогу сделать. Может быть...

Ей стало немного легче и она, наконец, забылась глубоким сном без сновидений.

Глава 5 Человек из тени

Паншер-баши водил караваны по пустыням и степям уже больше двадцати лет. Опасное дело.

На караваны нападали пустынные племена ради верблюдов, лошадей, золота и рабов. Обирали, называя это налогами и пошлинами, шахи, султаны, князья и короли. Нападали конкуренты, караванщики и купцы, недовольные последней сделкой.

Опасное дело...

Но Паншер-баши мог за себя постоять. Как силой оружия, так и силой влияния, которая часто значит больше. Его знали и принимали как своего в городах Сирии и Афганистана, Египта и Персии. Он оказывал услуги германским и каталонским владыкам. Иногда очень щекотливого характера. И в Иерусалиме, он один из немногих имел свободу входа и передвижения. Равно полезный и для султаната и для христиан.

В молодости он был простым воином в армии Шаха Шади. Отвагой и силой заслужил сотника. Умом, рассудительностью, а иногда и изощренной хитростью проявлял себя в войне с неверными и стал тысячником.

Когда наступил мир (хотя только наивный человек мог верить в долгосрочность этого мира) Паншер-баши вместе с десятком приближенных воинов ушел в торговлю и, если называть вещи своими именами, контрабанду. Где добился не меньших успехов, чем на военной службе, где ему всегда было тесно под правителями, полководцами и ограничениями воинской дисциплины.

Здесь же были только его правила и его решения. Хотя свои понятия о честности и чести у него были. Правда очень специфические.

Дамаск был его домом. Он родился и вырос здесь. И вернулся жить, став влиятельным и богатым. При дворе прежнего Наместника он был одним из самых уважаемых вельмож. И когда Нур ад-Дин поставил во главе города Айюба ибн Шади, он, в отличии от многих, только упрочил свои позиции.

За годы он охватил влиянием большую часть уделов султаната и внешние земли. Ему многие были должны. Он же - никому. Хотя... было одно исключение. Но Паншер-баши даже самому себе не хотел в этом признаваться.

Глава 6 Хорошие люди есть везде

На следующее утро как только Фата пришла в харчевню, Абдулла сразу же отвел ее в сторону.

"За тобой прислал Джабраил-ага!"

"Уже...". Фата опешила. К утру события вчерашнего вечера начали отдаляться. И у нее даже появилась надежда, что это были просто слова и все забудется, и ...

"Не забудется", поняла она. "Не тот человек."

А Абдулла уже быстрой скороговоркой продолжал.

"Его дом у реки. На нашем берегу. Пол-лиги вниз по течению от Цитадели. Зеленый забор, увитый виноградом, высокие кипарисы. Над воротами - звезда и полумесяц.

Отправляйся немедленно! И смотри - будь... благоразумной.

Джабраил-ага влиятельный человек, хотя и нездешний. Говорят, он вхож к самому Амиру!

Не знаю, чем ты ему приглянулась, но ... лучше бы тебе его не разочаровать.

А то и тебе, и мне... в лучшем случае не поздоровится! Все, ступай!"

И, чуть не подталкивая, Абдулла проводил ее к выходу. Когда она вышла, он еще некоторое время смотрел ей вслед, размышляя к добру происходящее или нет.

Если богатому человеку приглянулась симпатичная бедная девушка, так что же. И для нее может быть выгода, и человеку удовольствие.

Ему был присущ простоватый цинизм, свойственный пожившим людям, которых не тронула одухотворенность и благородство, но и не ожесточили жизненные перипетии. Он старался принимать мир таким какой он есть. Богатые получают, что пожелают. И становятся богаче. Бедным нужно быть ... ему нравилось это мудреное слово - благоразумными. Тогда от богатых может быть доход, а не притеснения. На этом он и строил свое дело. Стараясь готовить вкусно и честно, угодить, без раболепства, богатым и зажиточным посетителям. Обратно получал почти всегда наполненный зал, приносящий постоянный доход, который увеличивали щедрые чаевые. И помощь иногда можно было получить от постоянного клиента, если нужда придет. Так и жил.

И для Фаты, и для меня благосклонность Джабраил-аги только на пользу пойдет, решил он. Заключив так, он спокойно вернулся к работе.

***

А Фата... Фата шла по городу. Сердце ее колотилось. Надо идти. Тут не *приглашение.* Никаких иллюзий. Не прийти нельзя.

Она была сильной девушкой. Жизнь заставила. Выбора особого не было - либо стать такой, либо сломаться: отца нет, мать и двое младших братьев. А жить нужно...

И она, несмотря на юный возраст, привыкла, что может за себя постоять и решить многие вопросы, которые ставит перед ней жизнь.

Но сейчас она чувствовала чужую волю, что превосходила ее собственную. И он близок к Шаху! А она... просто бедная сирота. Как тут сопротивляться? Да еще и на воровстве ее поймал.

И сейчас он прислал за ней.

Мысли и переживания, наполнявшие ее ночью, вернулись и хоть при свете дня все казалось немного... светлее, волнение не отпускало.

Зачем прислал, все-таки? Глупый вопрос, правда? Она была более, чем взрослой, чтобы понимать *зачем*богатый мужчина может позвать к себе молодую прислужницу.

Но покорность?.. это не ее. Так что же, спросила она себя?

Ты вся горишь! Но, похоже, не от страха или стыда!

И идешь не как на казнь, а... вот Шайтан! Как на свидание! И сердце твое бьется от ... предвкушения!

Она залилась краской. Хорошо, что рядом никого.

Что с тобой? Он что, так красив? Богат? Очевидно, да. Но не в этом дело. Она чувствовала, что он и правда ей нравится, даже после случившегося вчера. И ему будет ... приятно повиноваться. И вдруг поняла, что хочет этого.

Его воля за секунду обезоружила ее накануне вечером. Все ее отговорки, которые проглотил Абдулла, были абсолютно беспомощны перед ним.

Но его воля... Она странным образом осознала, не *ломала*ее собственную, а наоборот. Несла какую-то необычную легкость и покой. Она не чувствовала себя *побежденной*.

А как бы ... *очищенной*.

Он не стыдил ее. Не угрожал. Даже и не сказал почти ничего.

Только взгляд, легкая, хотя и строгая, улыбка и...

"И больше не ... роняй кошельки".

И все.

Как будто он простил ей ее почти свершившийся грех. Даже не сам. А... как будто, вот странное чувство, весь мир ее простил.

Она почувствовала какое-то облегчение. Может она обманывает себя. Но так думать было приятнее, чем... чем думать о другом.

Она шла к реке и искала нужный дом.

Вокруг шумел Дамаск. Большой город. Фата понемногу привыкала к нему. В ее родном Икстлане все было куда меньше и проще. Но здесь ей нравилось. Столько людей. Рынки и харчевни. Торговые лавки и мастерские. Высокие мечети и тенистые улицы. И люди... Разные. Но вовсе не такие, как ей рассказывали в детстве соседи о больших городах. Как о мире корысти, опасности, собрании всех человеческих грехов и пороков. Может они преувеличивали. Может ей везло...

Говорят, последние годы в Дамаске стало лучше и спокойнее. Шах Айюб правит разумно, поощряет торговлю и науку. Даже простой человек может рассчитывать на справедливый суд. Может и не всегда, но не как раньше, когда богатый был всегда прав, а бедняк во всем виновен.

Поговаривали, что в шахе произошли перемены. Связывали с разным. Может горячая кровь с годами успокоилась, может напряжение во внешней политике сгладилось и нет нужды держать подданных так жестко, как раньше.

Еще поговаривали, что взросление третьего сына, принесло ему много печалей, что ожесточало его сердце, но в какой-то момент он почти принял, что сын не становится, как должен быть, потомственным воином и властителем, а скорее ученым. И это тоже изменило его.

Как бы то ни было, сейчас город процветал. Конечно, и здесь было достаточно воров и грабителей, воины и стража были грубы и надменны, от них лучше было держаться подальше. Но было и много хороших или просто ... обычных людей. И с ними Фата чувствовала себя уверенно и спокойно. Она не знала про Искру и не могла понять, что зачастую дело в ней самой.

Хорошие люди есть везде, так ведь? говорила она себе.

***

Она вспоминала первый день в Дамаске...

Тунчан, хозяин горшечного цеха и лавки, рано овдовевший и уже отпустивший во взрослую жизнь двух сыновей принял их с матерью и младшими братьями, когда они прибыли в Дамаск, спасаясь из Икстлана, погибшего от рук пустынных племен.

Они даже не были ему родней, а только попросили о помощи и защите. Рассказав, что к нему их направил Кунашир, их сосед, который упомянул о дальнем родственнике в Дамаске в последнюю ночь, когда в Икстлане уже все рушилось и все жители готовились бежать от войны. Им удалось выбраться. А вот Кунашир не успел... По крайней мере в потоках беженцев никто не слышал, чтобы он выбрался.

И вот они пришли в Дамаск. Большой, чужой город, имея лишь имя. Совсем без денег. Истощенные путем почти в сотню миль. Без надежды на кров и еду. Мать опять заболела, много лет какая-то хворь жила в ней, ей становилось то чуть лучше, то опять накрывало, и сейчас болезнь совсем поглотила ее, братья еле держались на ногах. Они пришли с караваном, хозяин которого сжалился над ними и хоть и не сразу, но согласился положить мать на повозку и позволить им идти с ним в Дамаск.

Караван пришел прямо на центральный рынок, шумный, пестрый, многоголосый. Фата посадила мать в тени платана у стены и... не знала, что делать дальше.

Как найти человека по имени Тунчан в таком огромном городе?.. Здесь должно быть десять тысяч жителей. Или сто? А то и больше.

И даже если они его найдут - что они ему скажут? Что они соседи его дальнего родственника из Икстлана?

"И что?" скажет Тунчан.

Денег заплатить за постой у них не осталось, лишь несколько медяков. Хватит сегодня на кусок хлеба и кружку воды. Одну на всех. А завтра? Она почти отчаялась.

Хозяин каравана, высадив их двинулся дальше по своим торговым делам. А она стояла под палящим солнцем, не зная, что делать дальше. От усталости ноги ее подкашивались, голова кружилась. Она постаралась собраться с силами. В такие моменты ей помогала, хотя и потускневшая за прошедшие годы, но еще сохранившаяся память об отце.

"Если ты сдашься и опустишь руки в трудный момент - это точно не поможет. Понимаешь? Думай, делай что-то.", учил он ее. Совсем еще крошечную девчушку, когда она прибегала к нему со своими детскими печалями и обидами.

Может такое воспитание и не подходило для девочки, но ... Баграм хотел сына. А родилась дочь. Что тут поделать? Он был воином. Сильным и простым человеком. И давал ребенку то, что мог. Как и тысячи мужчин до него, вкладывая в дочь то, что хотел бы дать сыну...

Аллах позже подарил ему и сыновей - двух близнецов. Но Шайтан превратил этот дар в насмешку. Малышам еще не было и шести месяцев, когда Баграм ушел на север, где был передовой край войны. Ушел и не вернулся. Фате тогда было девять.

Но за эти девять лет он передал ей достаточно сил и мужества, чтобы сначала помогать матери, а когда ей сравнялось четырнадцать - стать кормилицей семьи. Она шила, вместе с матерью ухаживала за садом и продавала на базаре фрукты, по вечерам прислуживала в местной чайхане.

В Икстлане ее самостоятельность не одобряли, смотрели косо. Женщина не создана для самостоятельной жизни. Она должна быть *за мужем.* Но замуж ее не брали. Считали неприлично для девушки активной, даже строптивой, своенравной.

И сейчас ей шестнадцать, а она все еще одна. И стоит посреди чужого города...

Но не зря говорят, что характер в значительной степени формируется еще в детстве. Решительности у нее было достаточно, хотя бы и силы сейчас на исходе.

"Отец был прав", подумала она. "Не стой. Ищи выход."

Убедившись, что мать в тени задремала, строго наказала братьям оберегать ее и не отходить ни на шаг, Фата пошла по базару.

Спросила, где горшечный ряд. Ей показали. И там, в первой же лавке, оказалось, что хозяин знает Тунчана-горшечника. И не просто знает. Он говорил о Тунчане с уважением и

даже согласился отправить с Фатой мальчишку-помощника указать дорогу к его дому. Тот проводил ее и убежал.

И вот Фата постучала подвешенным кованным молотком по железной подложке. И стоит у ворот, сжимая и разжимая кулаки от волнения.

Как попросить о помощи? И на каком основании?

Тунчан вполне может просто захлопнуть дверь перед ее носом. В этом мире - каждый сам за себя. А в больших городах - тем более. Так говорили в Икстлане их соседи. И наверное, они знали, что говорили.

Дверь распахнулась.

Тунчан оказался высоким, широкоплечим мужчиной с проседью в бороде, но все еще очень крепким. Глаза его были спокойны, в них лишь промелькнуло некоторое удивление при виде незнакомой девушки.

А Фата так разволновалась, что не знала с чего начать. Наконец решилась и ...

Сдерживая слезы, она выплеснула все, что накопилось за две недели бегства по пустыне, потерю родного дома, страх за мать, братьев, себя. Всю боль и усталость.

Рассказывая все это она смотрела себе под ноги, боясь поднять глаза и увидеть во взгляде Тунчана отказ еще до того, как он произнесет его вслух.

Она закончила. И тяжело дыша стояла, ожидая ответа. Робко подняла глаза. И ... ей стало хорошо... так хорошо...

В глазах Тунана она увидела тепло и поддержку. Он помолчал.

"Можете занять южную часть дома на женской половине. Как я овдовел, она пустует. Твоей матери найдется отдельная комната. Тебе и братьям будет потеснее, но крыша над головой и кровать будет у каждого. Чтобы не было пересудов - вы мои дальние родственники из Икстлана.

Я не богат, но немного еды для всех смогу собрать. За постой денег брать не буду, пока не обустроитесь. Потом заплатите сколько сможете."

Он еще помолчал.

"Неподалеку есть чайхана. Я знаю хозяина, он вроде ищет прислужницу. Если ты честная и работящая, может он тебя возьмет. Денег немного там, но все же. Где ты оставила мать и братьев?"

Вот так... А говорили, каждый человек сам за себя. Только человек ли он тогда?

Она молчала не зная, что сказать, как благодарить... Ведь так не бывает...

Она не выдержала и разрыдалась.

***

С тех под минул месяц. Абдулла, хозяин чайханы и правда искал прислужницу и принял ее.

Платил немного, им едва хватало на самое необходимое. Но хоть крыша была над головой. Мать сначала стала поправляться, но вот уже вторую неделю ее опять накрыла лихорадка. Фата тогда собрала все, что было, несколько дней почти не ела, чтобы заплатить дворцовому лекарю, на которого помог выйти Абдулла. Но сейчас нет больше денег, ни на лекаря, ни на лекарства, ни на еду... А матери опять хуже.

Отчаяние привело ее на грань воровства. Но все сорвалось. Или наоборот - ее вовремя остановили? Она так и не решила про себя грех ли это, если грех для спасения матери.

Муллы говорят, что благими намерениями Шайтан маскирует свои происки. Незаметно сводя человека с пути добродетели на путь греха и преступления. Нашептывая утешительные объяснения. Приучая человека оправдывать сначала свои проступки, затем и серьезные прегрешения и даже преступления. И привыкать мыслить лицемерно, что *ты*всегда прав, а вот *они*- нет. Кто бы эти «*они*»ни были, и о чем бы ни шла речь.

И зло поселяется в его сердце и отравляет мир вокруг него. И место в аду уже приготовлено для его души.

Может муллы были правы. Философские вопросы нечасто занимали ее.

Фата не особенно боялась адских мук, потому что не особенно верила в загробную жизнь. Но старалась поступать по совести и жить честно. Хотя получалось это не всегда. Были за ней и малые прегрешения, и не очень. Но воровства раньше за ней не водилось.

Вдруг она почувствовала что-то вроде благодарности этому чужеземцу - ведь он остановил ее на самой последней границе, в одном шаге от того, что она и сама считала грехом. Даже не так - она уже перешагнула черту, но он вытащил ее обратно.

С этими мыслями она подошла к высоким, зеленым воротам. Звезда и полумесяц.

Глава 7 Сделай правильный выбор

Наблюдатель стоял у окна, выходившего в сад. Ветер жестко трепал листья платана, гнул ветви, но тот не сдавался. Ему было не меньше сотни лет и, надо полагать, он повидал на своем веку немало ветров. Мягко поддаваясь снаружи, он оставался непреклонным в середине. Наблюдатель одобрительно кивнул.

Привели Фату. Наблюдатель повернулся к ней, знаком отослал слугу. Подождал, пока затихнут его шаги. Еще подождал, пока не перестал чувствовать его присутствие. Посмотрел на Фату. Девушка с характером. И с Искрой в сердце. Неинициированная.

Он прислушался к исходившим от нее волнам эмоций.

Беспокойство, Страх. Понятно.

Доброжелательная Робость. Она к тебе неплохо относится, хоть и боится. Хорошо.

Надежда... На что? Возможно, ей нужна помощь. В общем, как и почти любому человеку в этом мире...

*Вызов!*Ну, конечно! он улыбнулся про себя. Молодец! Несмотря на страх, готова идти вперед.

И... он даже посмотрел на нее более внимательно:

Желание. Вот это да! А ведь она, наверное, решила, что он ее вызвал, чтобы... Понятно. Было бы вполне логично. Для любого мужчины. Почти для любого.

И при этом *Страх*есть, но ее *Желание*он чувствовал сильнее. Вот ведь Шайтан веселится, глядя на нас из Преисподней!

Пора к делу.

"Как тебя зовут?"

"Фата, дочь Баграма из Икстлана."

"Я слышал, город разрушен".

"Да... Мы спаслись, пришли в Дамаск месяц назад. Живем в доме Тунчана-горшечника."

"Столько тебе лет?"

"Шестнадцать."

Совсем юная... Он еще раз задумался, вовлекать ли ее. Риск был, но умеренный, а девушка обладала теми качествами, что нужно. Нужно выяснить, что угрожает Амиру и нейтрализовать эту угрозу.

Да и Паншер-баши должен сделать свой выбор. И без испытания не обойтись...

«Опять играешь судьбами людей», упрекнул он себя.

Но...

В конце концов это часть его пути. Не самая им любимая, но тут не выбираешь - у каждой медали две стороны. Нельзя взять одну, которая ближе к сердцу и оставить вторую.

"С кем ты живешь?"

"С матерью и двумя младшими братьями."

"Мать тяжело болеет", вырвалось у Фаты.

Вот в чем ее надежда. Ладно.

"Отец?"

"Отца нет. Не вернулся с войны."

Отца нет... Поэтому она такая сильная... и уязвимая одновременно. Наблюдатель почувствовал тихий укол в сердце.

«Не отвлекайся», остановил он себя.

"Ты когда-нибудь путешествовала с караваном?"

Она удивленно посмотрела на него. Явно ожидала другого... разговора.

"Да, господин. Когда мы бежали из Икстлана, мы шли с беженцами и сами, и с караваном."

"Хорошо! Сейчас пойдешь в верхний город, у мечети Аль Хазра пойдешь по северной улице. Третий дом. Высокий, как минарет и окруженный стеной, как крепость. Запомнила?"

"Да".

"Спросишь Паншер-баши. Скажешь от меня. Отдашь ему этот кошель и подождешь ответа. Принесешь его мне. А дальше вот что тебе надлежит сделать."

И он рассказал, в чем ее задание. А после добавил: «И будь осторожна. Врагом может оказаться кто угодно».

Она взяла кошель, который был приятно, *искушающе*тяжелым. Корыстная мысль шевельнулась у нее внутри.

"А что?..."

"Не задавай вопросов. Просто сделай, что я сказал."

"Да, господин".

"И Фата!"

"Слушаю, господин".

"Не. Потеряй. Кошель."

Она собиралась просто ответить "Да, конечно". Но встретила его взгляд. И замерла на полуслове... Она почувствовала ледяную руку, прикоснувшуюся к ее сердцу.

И этот человек в какой-то момент показался ей *Доброжелательным? Веселым*?

"Ты хочешь, чтобы у твоей матери и братьев все было хорошо?"

Ей сжало горло... Она смогла только напряженно кивнуть.

"В этом кошеле тридцать серебряных динариев. Сделай правильный выбор!"

"Да..." Страх вытеснил корысть и она медленно вздохнула.

Он кивнул, как бы своим мыслям.

"Иди."

"Он читает в моем сердце, как в открытой книге!", вдруг поняла она. "Что же он за человек?!"

Она почувствовала ужас и ... злое восхищение!

Глава 8 Благословение Аллаха

В библиотеке царили полумрак и тишина. Над пожелтевшим свитком, лежавшим на столе, склонился юноша, высокий и стройный. Рядом с ним лежала еще целая гора свитков.

Поодаль недвижно стоял худой старик. Потемневший лицом, прорезанным глубокими морщинами, то ли от прожитых лет, то ли от пристрастия к разрешенным травам или запрещенному вину. Хотя вероятнее первое, так как несмотря на очевидно почтенный возраст, старик был жилист, спина его была прямой, а голос (когда он говорил, что бывало не так часто) - глухим, но твердым.

Молодой человек вел пальцем по затейливой вязи в поисках нужных ему слов.

"Вот! *"Благословение Аллаха!*""

Он остановился и медленно, несколько раз перечитал то, что шло дальше.

"Не понимаю!" Он поднял голову. "Не понимаю..."

Он прочитал на этот раз вслух:

"Есть в каждом Человеке.

Но не каждый есть Человек.

Несет Свет. Несет Тьму. Несет Хаос.

Трудно открыть. Легко утратить"

"Что это значит?" обратился он к старику.

Старика звали Абу Али. И он знал ответы на многие вопросы.

Хотя и не часто это показывал. Он вообще мало говорил. Предпочитая тишину. И покой.

"Наверное это и есть старость?", иногда думал он.

"Или мудрость?"

Не говорить без нужды. Не возмущать собственный разум и дух мыслями. Которые почти всегда есть пустая суета, отголоски вчерашнего дня или бессмысленное беспокойство о дне грядущем.

Уходя во внутренний мир, он часто отключался от внешнего. Что не могло не раздражать молодого человека. Имя которому было Юсуф. Он был молод, умен, горяч и нетерпелив.

Абу Али помнил его совсем маленьким... И отца его Айюба тоже. Если уж на то пошло, то и деда его Шади он тоже, если бы постарался, вспомнил совсем юным. Сколько лет прошло с тех пор?

Абу Али не чувствовал себя *Старым.*Скорее *Древним.* В чем разница между этими словами?..

Нетерпение в голосе Юсуфа вернуло его из прошлого в настоящее. "Что это значит?"

Абу Али привык к горячности молодого человека. И понимал, что часть его долга - помогать тому заменить ее на сдержанность. Которая со временем, положенная на действительно выдающийся ум Юсуфа, приведет того к мудрости.

Он помолчал. Вздохнул. "Это значит точно то, что сказано".

"Но я не понимаю!"

"Значит еще рано".

"Что значит *рано*?!", рассердился Юсуф.

"Мне скоро восемнадцать! Я познал мудрость Аристотеля и парадоксы Зенона. Я знаю Коран и великую Сунну почти наизусть. А тут какой-то древний манускрипт, даже автор которого неизвестен."

"Целых восемнадцать лет!", усмехнулся про себя Абу Али. "И ты путаешь *прочитал*и *познал*".

Он смотрел на Юсуфа и молчал. Тот только больше распалился.

"И даже наш придворный мулла признает, что я превзошел его в понимании священных текстов," продолжал защищаться и нападать одновременно Юсуф.

"И мулла", теперь в усмешке Абу Али, если бы он проявил ее на лице, было бы немало презрения, "признает твое превосходство!"

"Конечно - ведь ты сын Амира. Собственно это он и признает. Лицемерный, как все придворные прихлебатели.

А в тебе сейчас говорит не разум, а горячая кровь и самоуверенность потомственного владыки. Еще и гневаться изволит молодой господин!", подумал, но опять не сказал Абу Али.

"Как ты можешь говорить *рано*?" в голосе молодого человека смешались обида и почти угроза.

На месте Абу Али любой другой, кто понимал хоть немного в науке выживания рядом с власть имущими, склонился бы в почтительном (или униженном) поклоне и произнес бы (или забормотал, если бы был продвинутым придворным) извинения и восхваления Несравненной Мудрости Великого и Милосердного и ... бла-бла-бла...

Но Абу Али был *на своем месте.*И был он там уже более сорока лет не за умение пресмыкаться и льстить. Он ответил спокойно.

"Юсуф, когда придет время, смысл этих слов откроется тебе.

Есть вещи, которые *не могут быть*постигнуты, как Знание. Их нельзя просто прочитать и понять. Их нельзя потрогать или увидеть.

Через них нужно *пройти.* Их нужно *прожить.*

И не каждому это дано."

***

Юсуф, имя (а вернее *лакаб*) которого еще будет прославлено в веках, искал ответы на свои вопросы, не зная, что сейчас Наблюдатель приближается к ответу на свои.

И хотя на первый взгляд и вопросы и ответы были совершенно разными, они были частями большой сложной мозаики, которая постепенно складывалась в этой прокаленной солнцем древней стране.

И сложившись она должна была переменить ход истории не только этой страны, но и, во многом, всего мира.

Глава 9 Тридцать серебренн

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.